УДК 101.8; 316.3

В.М. Крючков, ассистент

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ В РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

The author of the text emphasises the universal moral values of the sacred books of the Ancient East.

Популярный в свое время афоризм Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток. С места они не сойдут» обнаруживает в наши дни свою явную ограниченность и односторонность. Процессы глобализации, поиски синтеза и политического консенсуса, характерные для современного мира определяют ориентацию на поиски того общего, что издавна признавалось важным и ценным в духовном наследии различных народов. История науки, накопленный ею обширный материал заставляет ученых отказаться от традиций европоцентризма и отдать должное заслугам мыслителей Древнего Египта, Месопотамии, Индии, Китая. Так называемая средиземноморская цивилизация очень многим обязана тому «свету с Востока», который освещал путь основоположникам науки в античной Греции и Риме.

Различие в менталитетах народов Востока и Запада, конечно, существует. Современная культурология считает характерными для Запада – активность и индивидуализм, а для Востока – созерцательность и коллективизм. Действительно, Китай – родина даосизма, Индия – родина буддизма. Идеалы «недеяния», призыв к неторопливой ежедневной медитации – явно противоположны популярному на Западе (да и в России) совету поскорее «схватить быка за рога» или наполеоновскому принципу «ввязаться в дело, а там – видно будет». Такому очевидному авантюризму можно противопоставить популярную в Индии притчу – рассказ о молодом буддийском монахе, который решил буквально последовать местной пословице «подумай 10 лет, прежде чем схватить быка за рога». Когда через 10 лет он наконец осуществил свое долго откладывавшееся намерение, кругорогий бык поднял его на рога, бросил через спину и затем растоптал. Мораль очевидна: и через 10 лет не надо брать быка за рога. Даосский же мудрец учит, что если достаточно долго и терпеливо сидеть на берегу реки, то можно увидеть, как по течению проплывает труп твоего врага.

Впрочем, и в европейском фольклоре есть пословица «семь раз примерь – один раз отрежь», а христианские святые (например, Франциск Ассизский у католиков, Серафим Саровский у православных) являют образцы терпения и созерцательности, осознают себя частицей Божьего мира, в котором равно прекрасны и совершенны все сотворенные Всевышним люди, дикие звери и птицы и даже «брат ветер» и «брат огонь», как называл их святой Франциск. Да и наш земляк Франциск Скарина обнаруживает сходство человека с птицами, рыбами и лесными зверями в их общей привязанности к месту рождения и обитания, к которым они все «ласку маюць».

Все познается в сравнении. Все дело в мере, в степени выраженности разных признаков и качеств, присущих так или иначе духовному миру людей, населяющих страны и континенты, но принадлежащих все тому же – единому во многих лицах – человечеству. Следует при этом согласиться, что до начала новейшего времени Восток явно ориентировался на идеал неподвижности, спокойствия, доверия и мудрости Неба, Божества, а Запад чаще призывал: «На Бога надейся, но сам не плошай».

Обращение к знаменитой древнеегипетской «Книге мертвых» (ранние образцы ее восходят к третьему тысячелетию до нашей эры) позволят сделать вывод, что кодекс

поведения египтянина нисколько не уступает в нравственном отношении Библейским десяти заповедям (Декалогу), хотя древнее их на тысячу с лишним лет. В главе 125 «Книги мертвых», названной «Оправдательная речь умершего на Суде Осприса», можно прочитать: «Я не чинил зла людям. Я не поднимал руку на слабого. Я не был причиною слез... Я не убивал. Я не приказывал убивать. Я не совершал прелюбодеяния. Я не сквернословил... Я не давил на гирю... Я чист, я чист, я чист, я чист» (Куликов А.Е. Религии мира. – М.: АСТ, 1996).

Кроме известных из Декалога заповедей «не убий», «не прелюбодействуй», мы находим здесь и очень важное дополнение «я не приказывал убивать», которое свидетельствует, что в Египте признавали моральную ответственность руководителя, начальника за действия подчиненных, осуществленные по их приказу. Запрет же сквернословия, осуждение его как преступления, за которое придется отвечать на посмертном страшном суде, делает честь морали тогдашних людей. Их категоричность в этом отношении превосходит даже уровень требовательности к людям в наши дни, когда сквернословие едва «тянет» на мелкое хулиганство, а зачастую вообще приобретает «права гражданства» в литературе, кино, становится едва ли не нормой в деловой, производственной деятельности.

В древнеиндийских «Ведах» (XII в. до н.э.) зафиксирован в качестве морального требования весьма важный принцип «ахисмы», что означает непричинение зла любому живому существу. Это объяснялось верованием древних ориев в вечное и бесконечное переселение души человека (после его телесной смерти) в другое тело, не обязательно человеческое. Это могло быть и тело животного и даже растение – в зависимости от моральной чистоты и нравственной ценности его поступков, слов и даже мыслей. Человек мыслился лишь в качестве одной из равноправных составных частей единого в своем многообразии мира, включающего и животных, и якобы неодушевленные предметы.

Следует видеть принципиальное отличие ведического принципа «ахимсы» от современного, модного во многих странах, вегетарианства. Приверженец «ахимсы», «кармы», «нирваны» заботится о сохранении и поддержании мировой гармонии, а вегетарианца волнует собственное здоровье. Его беспокоят не страдания других живых существ, а зачастую просто исправное пищеварение. При таком сравнении и сопоставлении «раньше и теперь» застывшего в своих традициях Востока и динамичного Запада кажется неразрешенной проблема нравственного прогресса. Несомненно одно: достижение общечеловеческого нравственного идеала невозможно без пристального внимания и благожелательного интереса к достижениям древневосточной мудрости. Человеческое общество едино при всем своем многообразии, и на смену разъединяющему анализу должен прийти объединяющий синтез.

Богатый и многообразный фактический материал, подтверждающий давние генетические связи уверенного в своем извечном превосходстве Запада с Древним Востоком, дали археологические раскопки в Месопотамии в конце XIX в. Расшифровка найденных клинописных текстов древнего Вавилона и Ассирии показала, что задолго до появления древнейшей части Библии – Ветхого завета – здесь знали и о первом человеке, вылепленном Богом из глины, и о райской жизни первых людей, и о всемирном потопе. Местные жители были уверены, что райский сад находился именно в Месопотамии, где-то между реками Тигр и Евфрат. Справедливо почитаемая, вечная и боговдохновенная священная книга иудаизма и христианства имеет, таким образом, глубокие восточные азиатские корни. Библейский сюжет, связанный с историей Иосифа и его

братьев, был известен и в Древней Индии. Английский востоковед лорд Роулинсон, много сделавший для расшифровки клинописных текстов XVII-XVI вв. до н.э., обнаружил на глиняных табличках, относящихся к тем далеким временам, геометрический чертеж к доказательству теоремы Пифагора, известной сейчас каждому школьнику. Поскольку Пифагор жил в Древней Греции на тысячу лет позже, возникает законное сомнение в справедливости такого названия этой теоремы. Достижения вавилонских и халдейских мудрецов, звездочетов, математиков и врачей признаются современными историками науки и культуры. До наших дней используется вавилонский по происхождению символ медицины – змея, обвивающая чашу. Деление небесной окружности на 360^0, применяемое современной астрономией, шестидесятиричное исчисление, применяемое при измерении времени (секунда-минута-часы), тоже вавилонского происхождения. Восхищенные рассказы «отца истории» Геродота об успехах и достижениях Египта и Вавилона перестали вызывать скептическое недоверие, свойственное ученым сверхкритичного – по отношению к народам Востока – XIX в. Сведения, сообщаемые Геродотом, подтверждаются и новыми археологическими открытиями, анализом письменных источников, ранее неизвестных западным ученым.

В последние десятилетия XX в., повинуясь своеобразному «закону маятника», происходит переоценка, неумеренное преувеличение роли Востока. Связано оно с увлечением мистикой и оккультизмом – обратной стороной недавнего культа науки и эйфории от успехов научно-технической революции. Убедившись воочию в ошибочности одностороннего сциентизма и надежд на всесильную технику (Хиросима и Чернобыль отрезвили многих), «человек массы» отшатнулся от них, бросившись в объятия дзэн-буддизма, чудодейственной йоги (панацей от всех болезней) или таинственной «науки о пирамидах». Спрос рождает предложение – и книжные прилавки наводняются пестрыми и яркими сочинениями о колдовстве, «карме» (ничего общего не имеющей с первоисточником»), о «практической магии – белой и черной». В этом новом поветрии, вопреки Р. Киплингу, воистину Запад сходится с Востоком. При этом они сходят и с дороги здравого критицизма, характерного для подлинной науки, как и для простого здравого смысла.

Возможным примером подлинной преемственности в развитии человеческой мысли между Востоком и Западом, между седой древностью и современностью является нить, связывающая безымянного автора клинописного текста «Спор разочарованного со своей душой» (XII в. до н.э.) и французского писателя и философа Альбера Камю (1913-1960), автора философского эссе «Миф о Сизифе». В обоих случаях речь идет о вечной проблеме человека – о смысле жизни. Главный персонаж «Спора...» ставит под вопрос суть и смысл жизни, хотя достиг он в ней, судя по его словам, немалого. Он богат и благополучен; у него много жен и детей; он признан людьми, славен и знаменит. Но сознание своей смертности, конечности бытия («умру, как любой бедняк или раб в моем хозяйстве»), забвения после смерти («меня забудут, как и мы забыли даже славнейших людей прошлого») заставляет его трагически вопрошать самого себя: «Стоит ли жить, перенося столько много страданий и бед, трудностей и несчастий ? Стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой, если конец ее известен заранее ?» Ответ не дается и повисает в воздухе. А. Камю начинает свой «Миф о Сизифе» с этого же вопроса. Возможно, он был знаком с текстом «Спора разочарованного...», хотя прямой ссылки на него не дается. А. Камю признает правомерность этого вопроса и даже называет его «основным вопросом философии», ибо если вопрошающий решает, что жить не стоит и кончает самоубийством, то для него все прочие вопросы отпадают, просто не сущест-

вуют. Но А. Камю, подхватив нить рассуждения автора «Спора...», дает свой ответ на его вопрос. Да, жить стоит! Надо самому придать смысл своей жизни, а не капитулировать, не дезертировать из нее – в смерть. Такая позиция, близкая точке зрения стоиков, получила название позиции «героического пессимизма». Можно ли считать данный французским экзистенциалистом ответ на вечную проблему человека окончательным? История человечества продолжается. Бережное отношение к духовному наследию предшественников помогает нам избегать их ошибок и приумножать их достижения. Противоположная позиция – нигилистическое отношение к опыту предков – это путь в пропасть.

УДК 001

П.А. Водопьянов, профессор

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

The article dwells upon the main stages of ecological culture formation.

Острота современной экологический ситуации убедительно доказала несовершенство сугубо потребительского вектора развития цивилизации, приведшего к нарастанию угрозы ее дальнейшему существованию. Осознание этого послужило основой для разработки стратегии устойчивого развития, предполагающей удовлетворение потребностей людей при сохранении пригодной для обитания окружающей среды для будущих поколений. Устойчивое развитие означает сбалансированное развитие человеческого общества и биосферы и включает множество условий, среди которых формирование нового отношения человека к природе и использованию ее ресурсов имеет первостепенное значение.

Контуры нового теоретического и практического освоения окружающего мира наглядно просматриваются при анализе исторических форм взаимодействия общества и природы и закономерностей культурной эволюции общества.

На стадии первобытного общества природа выступала как определяющее начало, а человек всецело подчинялся природным силам. Это было обусловлено анимистическими представлениями: вера в духов, управляющих силами природы и защищающих человека от природных стихий. Осознание полной зависимости от природы – характерная черта мифологического мировосприятия первобытного общества, которое на протяжении длительного времени явилось условием сохранения полной гармонии во взаимодействии общества и природы.

Идея бережного отношения к природе отчетливо прослеживается и в культурной традиции философских учений Востока. Так, согласно учению даосизма, природа должна идти своим путем, не нарушаемым человеческим вмешательством. Принцип невмешательства на протяжении многих столетий позволял человеку извлекать пользу из природы вещей без нарушения природных процессов и служил эталоном бережного отношения к окружающему миру.

Широко распространенная в Японии религия синто исходит из одушевленности всех природных явлений, обладающих святостью – будь то огнедышащая гора, лотос, цветущий в большой трясине,и т.д. "Будь чистым" – исходные правила синтоизма, причем "чистота" означает "сохранение значимого".